

Крещение Руси как основной фактор становления русского народа

Уткевич В.А.,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (ВГУ им. П.М. Машерова), Витебск, Беларусь, utkevich@mail.ru

Статья посвящена философскому исследованию влияния крещения и христианизации Руси на процесс формирования русской нации. В работе показано, что русский народ представляет собой более высокую степень общности между людьми, чем общность по рождению, выходящую за пределы земного человеческого бытия, то есть носящую духовный характер. Для формирования нашего народа главным стало религиозное единство, возникшее лишь после крещения Руси. Главным онтологическим фактором данного формирования явилась онтологическая укорененность не в земном, а в небесном. Русскому народу свыше дарован талант вселенской любви, как средство для объединения различных племен в единую органическую целостность, которое нельзя считать обыкновенным психологическим умением, и которое может быть адекватно понято лишь в рамках вечных религиозных истин. В статье подчеркивается, что русские и белорусы представляют собой ветви единого народа. В силу обстоятельств они долгое время жили в различных государствах. Сохранить же белорусам свою «русскость» позволила именно их верность православной вере. Вот почему белорусы – русские люди в первую очередь по духу, а не по крови.

Ключевые слова: богоизбранность, духовное единство, земля, крещение, народ, русский, уживчивость, укорененность.

Для цитаты:

Уткевич В.А. Крещение Руси как основной фактор становления русского народа [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Том 2. №4. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n4/Utkevich.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020405

For citation:

Utkevich V.A.. Christening of Rus as a major factor of formation of Russian nation [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2015, vol. 2, no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n4/Utkevich.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2015020405

Предварительно необходимо отметить, что само понятие «народ» не тождественно по объему и содержанию таким распространенным в настоящее время в русском языке понятиям как «нация» или «этнос». Конечно, латинское слово «natio» на русский язык иногда переводится как «народ», но данный перевод семантически носит не совсем корректный характер. Все дело в том, что даже этимологически «народ» означает более высокую степень общности между людьми, чем общность по крови, по рождению. Таким образом, данное слово

обозначает то, что накладывается на исходный первичный род (на-род), то есть сверхродовое вторичное объединение людей в некоторую органическую целостность.

Более высокая степень общности может носить психологический или социально-психологический характер, а может и выходить за пределы чисто земного человеческого бытия, то есть носить духовный характер. Оба указанных понимания народа красной нитью проходит, например, через весь Ветхий Завет, в котором употребляются два слова «am» и «goim». Первое относится только лишь к богоизбранному израильскому народу, а второе ко всем остальным языческим народам. «Понятие богоизбранного народа в Ветхом Завете было понятием религиозным. Чувство национальной общности, характерное для сынов Израиля, было укоренено в сознании их принадлежности Богу через завет, заключенный Господом с их отцами. Народ израильский стал народом Божиим, призвание которого – хранить веру в единого истинного Бога и свидетельствовать об этой вере перед лицом других народов, дабы через него явился миру Спаситель всех людей – Богочеловек Иисус Христос» [5, с. 6]. Таким образом, «am» обозначает в первую очередь сверхприродное, духовное родство, родство в Боге (хотя в ветхозаветном толковании одновременно не отрицается и природное родство по крови), а «goim» – только лишь природное, так как язычники не знали истинного Бога.

Для формирования нашего русского народа самым главным также стало религиозное единство, сплотившее в единую духовную общность различные славянские (и даже некоторые неславянские) племена. Единство же это возникло лишь после крещения языческой Руси святым равноапостольным князем Владимиром. Вот почему именно это историческое событие явилось основным фактором становления русского народа.

Безусловно, необходимо указать на то, что еще до крещения определенная степень единства среди наших предков уже существовала. Однако в качестве сакрального, системообразующего элемента данного единства в это время выступала не общая религия (как известно, разные племена могли поклоняться различным языческим божествам), а русская земля. Более того, по мнению российского историка В.О. Ключевского, свою объединительную роль русская земля продолжала играть даже некоторое время и после крещения, в силу достаточно высокого уровня сохранения языческих верований. «Пробуждение во всем обществе мысли о Русской земле, – отмечал он, – как о чем-то цельном, об общем земском деле, как о неизбежном, обязательном деле всех и каждого, – это и было коренным, самым глубоким фактом времени, к которому привели разнообразные, несогласные и нескладные, часто противодействующие друг другу стремления ...всех общественных сил того времени» [3, с. 204].

Ключевской полагал, что именно на этом чувстве укорененности в общую для всех родную землю и возникло то мышление, которое стало породить русский народ как некую органическую целостность. Так, например, описывая события XI – XII веков, он писал следующее: «В этом и можно видеть коренной факт нашей истории, совершившийся в те века: Русская земля, механически сцепленная первыми киевскими князьями из разнородных этнографических элементов в одно политическое целое, теперь, теряя эту политическую целостность, впервые начала чувствовать себя цельным народным или земских составом. Последующие поколения вспоминали о Киевской Руси, как о колыбели русской народности» [3, с. 204].

Конечно, определенная доля истины в словах российского историка присутствует. Об онтологической укорененности русского человека в почву родной земли писали не только ученые, но и многие мастера художественного слова в разные эпохи. В качестве примера приведем отрывок из стихотворения выдающегося русского поэта прошлого столетия Н. Рубцова «Тихая моя Родина», в котором он говорит об укорененности не только в родную землю, но и во все то, что порождено этой землей.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

Однако, на наш взгляд, В.О. Ключевской, переоценивает роль так называемых «объективных факторов», в том числе роль земной онтологической укорененности наших предков, сложившейся на рубеже XI–XII веков, в формировании русского народа. Конечно, определенное значение в развитии этого процесса они имели, но далеко не главное. Главное заключалось совершенно в ином. «Оглядывая русскую историю, – отмечал митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычев), – православный наблюдатель повсюду находит несомненные следы промыслительного Божия попечения о России. События здесь происходят почти всегда вопреки «объективным закономерностям», свидетельствуя о том, что определяют историю не земные, привычные и, казалось бы, незыблемые законы, а мановения Божии, сокрушающие «чин естества» и недалекий человеческий расчет. Чудо сопровождает Россию сквозь века» [4, с. 11].

Таким образом, благодаря Божьему чуду, главным онтологическим фактором формирования русского народа явилась его укорененность не в земном, а в небесном, горнем. «В конце X века, – продолжает свою мысль митрополит Иоанн, – вошли в купель святого крещения племена полян, древлян, кривичей, вятичей, радимичей и иных славян. Вышел из купели русский народ, в течение шести веков (с X по XVI) вдумчиво и сосредоточенно размышлявший о месте Святой Руси в мироздании, пока, наконец, в царствование Иоанна IV не утвердился в своем национально-религиозном мировоззрении. И все это – вопреки обстоятельствам, условиям, возможностям, выгоде, расчету» [4, с. 11]. С этим трудно не согласиться.

Конечно, укорененность в горнем не отменила существовавшую до крещения Руси, укорененности наших предков в почву родной земли. Однако последняя приняла во многом иной, более духовный смысл. Русская земля стала святой землей, по которой, как искренне считали многие русские люди, ходила сама Богородица.

Справедливости ради необходимо отметить, что некоторые отечественные мыслители придерживались совершенно иной точки зрения по данному вопросу. Так, например, русский мыслитель прошлого столетия

И.Л. Солоневич, в своей работе «Народная монархия» указывал на то, что русский народ возник не благодаря крещению язычников, населявших русскую землю, а благодаря такой доминантной черте характера русских людей как их уживчивость с другими людьми. Следовательно, согласно его мнению, общность русских людей носила в первую очередь не духовный, а социально-психологический характер. «Мы можем сказать, – подчеркивал он, – что новорожденная русская нация проявила огромную способность к уживчивости. Что, следовательно, она сумела как-то сколотиться из неизвестного нам количества более или менее неизвестных нам людей, племен, религий и прочего, – и этот «кооператив» или эта «артель» оказалась сильнее своих предшественников – ибо она была прочнее: она не отталкивала от себя никакой силы, готовой работать совместно: варяги – давайте варягов, тюрки – давайте тюрков» [8, с. 11].

Эта уживчивость, по мнению И.Л. Солоневича, каким-то мистически непостижимым образом была дана всем тем племенам, которые изначально послужили системообразующим ядром русского народа. А, соответствующим образом, крещение Руси не играло никакого значения в процессе формирования русского народа. Конечно, в дальнейшем оно получило определенное значение и даже оказало некоторое влияние на русскую психику, но намного

меньшее, чем католицизм на психику западноевропейских людей. «Совершенно несомненно, – писал Солоневич в своей работе «Белая империя», – что католицизм в Испании, Италии или Польше играл в народной психике неизмеримо большую роль, чем у нас православие» [7, с. 38].

Несомненно, глубоко верно замечание об уживчивости нашего народа, которая проявлялась во многих сторонах его социальной жизни. В том числе и в такой, как полное отсутствие стремления к сохранению так называемой «чистоты крови». В этом отношении формирование нашего народа радикальным образом отличалось от формирования, например, народа израильского. У последнего, как отмечается в социальной концепции Русской Православной Церкви, наряду с духовным единством «большое значение придавалось сохранению чистоты крови: браки с иноплемениками не одобрялись, так как при таких браках «семья святое» смешивалось с «народами иноплеменными» (Ездр. 9, 2)» [5, с. 6].

Однако, на наш взгляд, не психологическая уживчивость имела определяющее значение для становления русского народа. Во-первых, не нужно идеализировать наших языческих предков. «Летописи VI века, – отмечал митрополит Иоанн, – рассказывая о столкновении славян с Византией, самым мрачным образом изображают их жестокость. В середине десятого века, незадолго перед крещением, русы в войне с империей, высадив десант на северном побережье Малой Азии, отличились таким зверством, какое было непривычным даже в те суровые времена» [4, с. 13]. А, во-вторых, данное значение, как уже отмечалось, принадлежит принятию нашими предками православной веры. Все дело в том, что если бы не было крещения Руси, то на этой земле с неизбежностью образовался бы иной народ, вполне возможно такой же уживчивый (а, возможно, и обладающий этим психологическим качеством в еще большей степени), такой же разноплеменной. Однако этот народ был бы, каким угодно, только лишь не русским. Дело в том, что вполне допустимо считать именно особенности психики самым важным в менталитете и облике некоторых народов: например, американского. Однако русское единство представляет собой не только сверхплеменное, но и сверхпсихологическое духовное единство, которое могло возникнуть только лишь после принятия нашими предками православия.

Важно понимать, что если бы не произошло крещение русских земель, то и сама историческая судьба того народа, который мог бы возникнуть на этих землях, должна была бы радикальным образом отличаться от нашей судьбы. Самое главное отличие заключалось бы в том, что такой гипотетический народ не стал бы Третьим Римом, великой Державой, сдерживающей мировые силы зла, как сумела стать им наша Русь. Подчеркнем, что исключительно благодаря крещению Руси возник богоизбранный русский народ, провозгласивший себя «Третьим Римом».

Адекватно объяснить такую богоизбранность с помощью различного рода материалистических или даже социально-психологических теорий, а также провести историческую аналогию с событиями Ветхого Завета – невозможно. На первый взгляд может показаться, что вообще любое адекватное объяснение в данном случае сталкивается с непреодолимым барьером. Однако, по мнению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна: «Православное сознание легко минует это препятствие, обосновывая своеобразие русской судьбы исчерпывающе просто – промыслительным назначением России стать последним препятствием на пути всемирной апостасии. Отсюда – вся трагичность нашей истории, становящейся ареной столкновения добра и зла, спасающей благодати Божией и гибельных сатанинских соблазнов, высших порывов добродетельной души с низкими страстями и грязными пороками, терзающими падшую человеческую природу. В такое объяснение легко укладывается вся русская история с момента Крещения Руси и до наших дней, включая сюда проблему многовекового противостояния Запада с Россией» [4, с. 398].

Итак, крестившись в православную веру, наш народ тем самым выбрал историческую судьбу своего земного существования. Однако он выбрал кроме того и сверхисторическую,

вневременную судьбу, тайна которой, по мнению российского мыслителя В.С. Соловьева, может быть понята только лишь в рамках вечных религиозных истин. «Ибо идея нации, – отмечал он в своей работе «Русская идея», – есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [6, с. 220].

Вглядываясь в историю становления величайшей Российской империи, мы можем прийти к выводу о том, что думая в вечности об идее русского народа Бог предоставил нашим предкам такое средство для объединения десятков различных племен в единую органическую целостность, которое нельзя считать обыкновенным психологическим умением, названным И.Л. Солоневичем «уживчивостью», а нечто неизмеримо большее, что может быть адекватно понято лишь в рамках вечных религиозных истин. Бог дал нам дар вселенской любви. Необходимо отметить, что русский народ прекрасно понимал наличие у него этого дара и стремился сохранить его во все времена своего исторического бытия. Глубоко художественно осмыслил эту идею Ф. М. Достоевский. А вот как писал об этом понимании Ф.И. Тютчев в своем программном стихотворении «Два единства»:

Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! –
Славянский мир, сомкнись тесней...

«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, –
...А там увидим, что прочней...

Став русским народом, наши предки тем самым выбрали свою судьбу и в земном бытии: они стали радикально отличаться от своих соседей. Причем это духовное отличие нашло свое отражение во многих чертах земного бытия нашего народа. Интересно отметить, что многие иностранцы, впервые побывавшие в России, начинают ее описание именно с этих внешних отличий, приведших их в восхищение. Недаром величайший норвежский писатель прошлого столетия, лауреат Нобелевской премии в области литературы, Кнут Гамсун называет описание своего путешествия в Россию словами «в Сказочном царстве». «Худо-бедно, – начинает он свое повествование об увиденном в Москве, – но я повидал четыре из пяти частей света. Правда, я не все там видел, а в Австралии так и вовсе не был, но кое-где я все-таки побывал и кое-что все-таки повидал. Однако ничего подобного Московскому Кремлю мне видеть не приходилось. Я видел прекрасные города, Прага и Будапешт, по-моему, очень красивы, но Москва – это сказочный город» [1, с. 15].

Интересно отметить, что увиденное вызывает у Гамсуна не только чисто эстетические, но и духовные чувства. В своих последующих словах он как бы соединяет в образе Москвы ее земную и горную сущность. «В Москве четыреста пятьдесят церквей и часовен, и, когда на всех колокольнях звонят колокола, кажется, будто над этим миллионным городом содрогается воздух. С Кремлевского холма открывается великолепнейший вид. Я и представить себе не мог, что на земле есть такой город: куда ни глянь, повсюду зеленые, красные и золотые шпили и купола. Это золото и небесная синь затмевает все, что могло нарисовать мое воображение. Мы стоим у памятника императору Александру II и, опершись о перила, смотрим окрест, нам сейчас не до разговоров, и глаза наши невольно увлажняются» [1, с. 15].

Обратимся теперь к нынешнему положению нашего народа. Несомненно, в России происходит возрождение Православия. Причем это возрождение для многих идет параллельно с осознанием того, что люди, живущие в России, – не просто граждане Российской Федерации, а русский народ. Недаром иеромонах Роман (Александр Матюшин) в одном из своих стихотворений дал очень точное указание на то, каким именно должно быть необходимое условие существования народа.

Без Бога нация толпа,
Объединенная пороком,
Или слепа, или глупа,
Иль, что еще страшней, жестока.

И пусть на трон взойдет любой.
Глаголющий высоким слогом.
Толпа останется толпой,
Пока не обратится к Богу!

В заключение нашего исследования мы остановимся на роли крещения Руси в становлении белорусского народа. Автор полностью согласен с той точкой зрения, которую неоднократно высказывали Президент Российской Федерации В.В. Путин и Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко о том, что русские и белорусы – это не двоюродные и даже не родные братья (как модно было утверждать в советские времена), а единый народ. Конечно, в силу определенных исторических обстоятельств мы достаточно долгое время были оторваны друг от друга и даже жили в различных государствах. Что же позволило, несмотря на все эти обстоятельства, сохраниться белорусам как русским людям? Ответ, на наш взгляд, очевиден. Сохранить белорусам свою «русскость» позволила их верность православной вере. Той самой вере, в которую святой равноапостольный князь Владимир крестил Русь в 988 году (кстати, датой крещения белорусских земель считается 992 год – год крещения жителей города Полоцка).

Конечно, эта «русскость» была сохранена далеко не во всех сословиях. Так, например, к началу вхождения белорусских земель в состав Российской империи она была почти полностью утрачена в белорусском дворянстве (шляхте). Вот почему в 1939 году в периодическом издании «Наша газета» И.Л. Солоневич с горечью описал следующее положение дел перед Первой Мировой войной: «Политическая расстановка сил в довоенной Беларуси складывалась так. Край – сравнительно недавно присоединенный к Империи и населенный русским мужиком. Кроме мужика русского там не было почти ничего. Наше белорусское дворянство очень легко продало и веру своих отцов, и язык нашего народа, и интересы России. Тышкевичи, Мицкевичи и Сенкевичи – они все примерно такие белорусы, как и я. Но они продались» [7, с. 5]. От себя отметим, что шляхта перешла в католицизм и ополячилась до такой степени, что даже родным языком для нее стал польский. Белорусский же крестьянин сумел сохранить родной для него русский язык (естественно, с некоторыми диалектическими особенностями) и православную веру. Причем, даже несмотря на то, что крестьян силой и обманом загоняли в униатство. Они, даже перестав формально принадлежать к Русской Православной Церкви, в душе своей остались православными русскими людьми.

Интересно отметить, что даже многие зарубежные исследователи истории Российской империи образца начала XX века отмечали, что в этот период на белорусских землях именно трудящиеся и крестьянские массы считали себя русскими людьми. Так, например, один из

крупнейших английских историков Э. Карр, признавая, что белорусские рабочие и крестьяне не отделяли себя от России, отмечал, что «согласно большевистской теории, нация есть нормальная и полезная, хотя и не обязательная, стадия исторического развития. И если белорусская нация еще не существовала, то аналогия подсказывала, что скоро она должна была родиться. Таков был довольно сомнительный довод, с помощью которого Сталин защищался на съезде партии от обвинения в том, что «мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно» [3, с. 249].

В настоящее время не все белорусы принадлежат к православному вероисповеданию, но абсолютное большинство из них настроено считать русский народ братским, по отношению к белорусскому. В данном случае сказываются результаты многолетней советской пропаганды. Однако среди православно воцерковленных белорусов пролонгированное действие этой пропаганды в настоящее время практически не ощущается. Абсолютное большинство таких белорусов считают себя именно русскими людьми. Подчеркнем, русскими в первую очередь по духу, а не по крови. Следовательно, их «русскость» детерминирована принадлежностью к единой Русской Православной Церкви. Беларусь – не Украина! У нас не допустили разделения и создания так называемой «независимой» церкви. И до тех пор, пока такое религиозное единство сохранится, число белорусов, считающих себя русскими людьми, будет только возрастать, по мере того, как будет возрастать число православно воцерковленных среди них. Кстати, об этом феномене прекрасно знают все враги нашего народа, нашего русского единства. Вот почему они так стремятся (под прикрытием различных псевдопатриотических националистских лозунгов) к религиозному расколу среди православных белорусов. К созданию особой автокефальной церкви. Будем же молиться о нашем церковном единстве, о том, чтобы Господь Бог не допустил осуществления вражеских планов.

Литература

1. *Гамсун К. В сказочном царстве/ К. Гамсун// В сказочном царстве. Путевые заметки. Статьи. Письма: Сборник. М.: Радуга, 1993. С. 11-148.*
2. *Карр Э. История Советской России. Кн.1: Том 1 и 2. Большевистская революция. 1917 – 1923/ Э. Карр. М.: Прогресс, 1990. 768 с.*
3. *Ключевский В.О. Курс русской истории/ В.О. Ключевский// Собр. соч. В 8 т. Т.1. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1956. 426 с.*
4. *Митрополит Иоанн (Снычев). Русская симфония/ Митрополит Иоанн Снычев. С-Пб.: Царское дело, 2004. 494 с.*
5. *Основы Социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000. 88 с.*
6. *Соловьев В.С. Русская идея// Сочинения. В 2 т. Т. 2/ В.С. Соловьев. М.: Правда, 1989. С. 219-246.*
7. *Солоневич И.Л. Белая империя/ И.Л. Солоневич. М.: Москва, 1997. 368 с.*
8. *Солоневич И.Л. Народная монархия/ И.Л. Солоневич. М.: Феникс, 1991. 512 с.*

Christening of Rus as a major factor of formation of Russian nation

Utkevich V.A.,

Ph.D. in Philosophy, associate professor of the philosophy chair, The education establishment “Vitebsk State University named after P.M. Masherov”, Vitebsk, Belarus, utkevich@mail.ru

---

This article is devoted to the philosophical study of the effect of baptism and the Christianization of Rus in the process of formation of the Russian nation. For the formation of Russian people there was the main religious unity that emerged only after the baptism of Rus. The article emphasizes that the Russian and Belorussians are represented as the branches of a single nation. By force of circumstances they have lived a long time in different nations.

Key Words: the spiritual unity, land, baptism, the Russian people, livable, rootedness.

References

1. *Gamsun K. V skazochnom tsarstve/ K. Gamsun/ V skazochnom tsarstve. Putevye zametki. Stat'i. Pis'ma: Sbornik. M.: Raduga, 1993. pp. 11-48.*
2. *Karr È. Istoriiã Sovetskoï Rossii. Kn.1: Tom 1 i 2. Bol'shevistskaïã revolütsiã. 1917-1923/ È. Karr. Moscow: Progress, 1990. 768 p.*
3. *Kliuchevskii V.O. Kurs russkoï istorii/ V.O. Kliuchevskii/ Sobr. soch. V 8 t. T.1. Moscow: Gos. Publ. politicheskoi literatury, 1956. 426 p.*
4. *Mitropolit Ioann (Snychev). Russkaïã simfoniã/ Mitropolit Ioann Snychev. St. Peterburg: TSarskoe delo, 2004. 494 p.*
5. *Osnovy SoTsial'noi kontseptsii Russkoï Pravoslavnoi TSerkvi. Moscow, 2000. 88 p.*
6. *Solov'ev V.S. Russkaïã ideia/ Sochineniã. V 2 t. T. 2/ V.S. Solov'ev. Moscow: Pravda, 1989. pp. 219-246.*
7. *Solonevich I.L. Belaïã imperiã/ I.L. Solonevich. Moscow: Moskva, 1997. 368 p.*
8. *Solonevich I.L. Narodnaïã monarkhiã/ I.L. Solonevich. Moscow: Feniks, 1991. 512 p.*